

АННА ДАНИЛОВА

психологический детектив

ГРЕХ И НЕМНОЖКО НЕЖНО

Когда игра во Фрейда затягивается...

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Грех и немножко нежно

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А.

Грех и немножко нежно / А. Данилова — «Автор»,
2016 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-699-85511-7

Тихий городок на берегу Волги кажется уголком рая – ничего серьезнее курортного флирта здесь просто не может случиться. Об изнанке этого рая никто бы не догадался, если бы Маша не решила провести здесь каникулы и не узнала о кладе, зарытом на старом немецком кладбище. Тайна, которой больше ста лет, словно запускает разрушительный механизм: измены, ссоры, кражи, предательства сотрясают город, не привыкший к такому накалу страстей. Убиты две девушки, на очереди Маша – такое ощущение, будто не человеческая рука, а сам ненасытный рок, обидевшись на тех, кто потревожил древние секреты, мстит за них людям...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85511-7

© Данилова А., 2016
© Автор, 2016

Содержание

1. Кира	6
2. Маша	12
3. Золотой тоннель: прокурор	15
4. Ланг	19
5. Золотой тоннель: Жорж	24
6. Кира	27
7. Маша	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Данилова

Грех и немножко нежно

© Данилова А. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Посвящается моей маме

Все события, представленные в романе, вымышлены, и совпадения сюжета и жизни персонажей с реальными людьми – случайность.

1. Кира

Казалось бы, еще совсем недавно она слышала ленивые насмешки Иды, отпускаемые ею исключительно из желания как-то по-доброму повлиять на нее, на свою подругу Киру, стоящую посреди большой кухни и мокрой тряпкой тщательно протирающую липкую баночку со свежим персиковым вареньем:

– Что, снова к своему краеведу пошла, да? Вареньице понесешь? Пирог наверняка испекла, да? С яблоками? А... Со сливами, ну что ж, тоже ничего... И что будет после того, как он его съест? Думаешь, женится на тебе с разбегу? Съест и ляжет переваривать на диван перед телевизором. Все! Думаю, что он о тебе даже и не вспомнит!

Ида стряхнула пепел с сигареты в пепельницу, поправила свои мягкие блестящие каштановые локоны.

Кухня была залита солнцем, в распахнутое окно заглядывала ветка американского клена и покачивалась, словно соглашаясь с каждым произнесенным Идой словом.

Кира же, растрепанная, с кое-как заколотыми прядями выющихся русых волос, в белой шелковой блузке, застегнутой на мелкие круглые жемчужные пуговицы, и черной шерстяной юбке продолжала протирать маленькую пузатую баночку с персиковым вареньем, но уже истерично, нервно, протестуя против вмешательства подруги в свою личную жизнь.

– А что мне еще ему принести? – Ноздри Киры раздувались, она пыхтела и сопела как ребенок, хотя ей было уже тридцать два.

– Кирочка, да ты бы лучше пришла к нему и разделась, легла бы на кровать... Вот тогда, глядишь, твой Юрочка и обратил бы на тебя внимание. Уж не знаю, как бы там дальше все развивалось, но уж тогда бы он точно увидел в тебе женщину.

– Профурсетка ты, Идка! Глупости такие мне говоришь... Да что он подумает обо мне, если я разденусь? Скажет, что я...

– Думаю, он оценит твою красивую грудь, которую ты постоянно прячешь, наглухо застегиваясь... Ты же даже и не пробовала носить декольте! Думаю, он увидит твои стройные ножки, которые ты скрываешь под длинными юбками и уродуешь «балетками» без каблуков, вместо того чтобы встать на тоненькие шпильки... Уверена, что он не забудет твои дивные плечи, твою прекрасную кожу... И очки надо сменить, куда это – роговая оправка – грубятина, жуть!!! А еще лучше – купи себе линзы!

Кира, уже привыкшая к подобным разговорам, быстро успокоилась и принялась нарезать на куски пирог с творогом и укладывать его в пластиковый контейнер.

– С изюмом? – спросила Ида, вставая и потягиваясь. – Дай-ка сюда кусочек!

Она стянула с противня большой кусок пирога и надкусила.

– Пирог – супер! Просто объеденье...

Это было тихое августовское утро, за окном заливались птицы, небо словно подернуто золотистой дымкой, день наливался зноем, и все вокруг дышало ленью.

И кто бы мог подумать, что в скором времени Кира вернется к себе домой бледная как смерть, кинется в угол темной прихожей и замрет, прислушиваясь к своему дыханию и биению сердца, которое, как ей тогда казалось, может остановиться в любую минуту. А потом как полоумная примется носиться по квартире, не зная, с чего начать уничтожить следы крови, которой будут выпачканы ее белые «балетки», рукава белой шелковой блузки и даже щека!

Квартира заполнится запахом хлорки, мыла, духов, которые она выльет на себя из желания вытравить запах смерти.

– Фу, ну и «ароматы» у тебя тут! – возмутилась забежавшая «на пять минут» подруга (она же и соседка дверь в дверь) Ида Зийбель в шесть вечера. – Хоть всех святых выноси!

Она выглядела по-вечернему нарядно, в черном платье с открытой спиной, с уложенными волосами, в меру подкрашенная, вся какая-то праздничная, в прекрасном расположении духа, какое всегда предшествует свиданию с мужчиной. И если прежде, видя Иду в такие моменты, Кира всегда радовалась ее приходу и даже пыталась представить себе какие-то детали свидания (улыбку почему-то синеглазого мужчины, ресторан, залитую розовым светом ночника постель с полуобнаженными мужчиной и женщиной), то в тот вечер ей захотелось даже заскулить от досады и отчаяния, поскольку она просто не знала, как себя вести с подругой, какую скроить мину.

Лгать было не в ее привычках и не соответствовало ее принципам. Рассказывать правду она тем более не могла. Оставалось одно – замолчать все, что произошло. Но как себя при этом вести, о чем говорить? Делать вид, что ничего вообще не случилось, ей вряд ли удастся.

– Так чего так хлоркой-то воняет? – Ида вошла в кухню, достала сигарету и закурила. Задав вопрос, она явно не надеялась получить ответ.

– Генеральную уборку затеяла, – придушенным голосом сказала Кира, зачем-то доставая из холодильника капусту. – Духи опрокинула... Вот поэтому такие запахи...

– Ну, тогда рассказывай, подружка, как прошло свидание? Он оценил твой пирог, варенье?

– Ты же знаешь, Ида, он при мне никогда не ест. Мы просто поговорили... ни о чем... как всегда... Он сказал, что очень спешит, что у него какая-то комиссия в музее, и мы с ним вышли из квартиры. Он пошел в одну сторону, я – в другую. А еще я подумала, что ты, наверное, права, и он никогда меня не полюбит, – Кира специально принялась развивать эту болезненную для нее тему, в надежде что хотя бы она будет звучать естественно и ей не придется фальшивить.

– Этих мужчин никогда не поймешь, особенно таких тихих и опасных «ботаников», как твой Юрий Михайлович. Мне кажется, что он вообще какой-то недоделанный и у него в штанах вместо члена какой-нибудь древний свиток. А еще, ты не обижайся, конечно, но у него какой-то грязноватый вид, несвежая рубашка, сальные волосы, да и взгляд какой-то грязненький...

– Хватит, Ида! Просто он другой, вот и все! – воскликнула она с жаром. – Он – ученый, историк, у него голова занята его работой, наукой...

– ...и забита пылью! – весело расхохоталась Ида. – Говорю же, не обижайся! Но мне действительно кажется, что ты могла бы найти себе более подходящую кандидатуру в мужья или в любовники...

– Любовники... – вспыхнула Кира. – Вот снова ты об этом. Он – не такой!

– Ты же ничего о нем не знаешь, совсем ничего!

– Почему же? Знаю. Он не женат, ведет очень скромный образ жизни, много читает, изучает древние книги, постоянно наводит порядок в нашем музее, все что-то подклеивает, подшивает, рассортировывает, подписывает, систематизирует... Я просто хочу сказать, что он старается для потомков, чтобы они знали о нашем городе и крае как можно больше! Если не он, то кто расскажет им о том, что было до нас и с нами? Ты вот, к примеру, не знаешь, что он готовит сейчас новую экспозицию, где будет представлен сегодняшний день... Это безумно интересно! Вот как один из залов нашего музея оформлен в виде комнаты девятнадцатого века, со старинной мебелью, утварью, а в стеклянных шкафах демонстрируется одежда того времени, так будет и с современным вариантом. Поскольку музей существует на те крохи, что ему отпускает государство, и этих денег едва хватает на поддержание помещения, охрану и зарплату двум работникам – Юрию Михайловичу и Елизавете Вальтеровне, смотрительнице, которая является одновременно и уборщицей, то Юрию Михайловичу пришлось для создания своей новой экспозиции самому собирать всю мебель, посуду, бытовую технику, одежду...

– Знаю-знаю, ты же помогала ему, отдала свою старую куртку, резиновые сапоги, сломанный миксер...

– Да, ну и что такого? Может быть, через сто лет эти предметы на самом деле будут интересны нашим потомкам...

– Ох и скучная же ты, Кирка...

– Может, я и скучная, но где-то в глубине души ты понимаешь меня, – с надеждой говорила она, заглядывая в красивые глаза подруги.

– Знаешь, иногда мне кажется, что мы с тобой потому и дружим, что такие разные... Может, я и говорю тебе какие-то обидные вещи, но люблю... А еще... ты как будто отрезвляешь меня... не знаю, как выразить... Сдерживаешь, что ли... и не даешь мне окончательно провалиться в пропасть... – сказала она неожиданно даже для себя искренне. – Так что не парься, я тебя очень люблю. Просто не хочу, чтобы ты вышла замуж за этого страшненького Юрия Михайловича. К тому же он не обращает на тебя никакого внимания! У тебя гордость-то есть? В нашем городе полно молодежи, тебе всего-то тридцать...

– Тридцать два.

– Да какая разница! Мы с тобой ровесницы, да только у меня вон сколько мужиков, а у тебя не было ни одного!

Кира почувствовала, как горячая волна накрыла ее с головой. Что она знала, Ида, о ее мужчинах? Вернее, о ее единственном мужчине, который сделал из нее женщину в физиологическом смысле этого слова, растревожил сердце и душу, а теперь вот делает вид, что они едва знакомы?!

Это было на Новый год, на праздничном вечере, который устраивала администрация Зульштата своим жителям. Один из самых крупных городов бывшей республики немцев, Поволжья, потерявший, однако, практически весь свой немецкий колорит, а заодно и трепетное отношение к своему католическому собору, Зульштат под руководством советской власти превратил его в городской клуб, где и проводились общегородские мероприятия. Новогодний бал в стенах бывшего католического собора с высоким сводчатым потолком проходил торжественно, с нарядно украшенными стенами и елкой, накрытыми столиками и концертом. Только самые ленивые жители отказывались принять участие в этом празднике и встречали Новый год у себя дома. Весь же цвет города, его «аристократическая, интеллигентная» верхушка (чиновники, учителя, руководители предприятий и бизнесмены) заранее раскупали билеты. К празднику дамы шили новые наряды, мужчины покупали костюмы, в столовой администрации готовили закуски, а в городской кондитерской пекли торты и пирожные. Вот на таком балу и встретились Кира Бирман и Юрий Михайлович Ланг, потомки старинных немецких семей, проживавших в Зульштате, случайно оказавшиеся за одним столиком. Столик был рассчитан на четверых, однако два места пустовали. Получалось, что Новый год они встретили вдвоем, чокнулись бокалами, улыбнулись друг другу под громкую музыку и какой-то искусственный голос ведущего вечера.

Кира и сама не поняла, как это вышло, что она не рассчитала с алкоголем, пила шампанское, как лимонад, скромно закусывая красной рыбкой, тортом и осторожно поглядывая на одинокого, скучающего вида соседа, лихо опрокидывавшего в себя водку из маленькой рюмочки, после чего проснулась в чужой темной квартире ранним утром, голая, с больной головой... Собирала по полу трусы, теплые рейтузы, а бархатное длинное платье винного цвета вообще нашла в прихожей, на полке с обувью...

Бежала по фиолетовым сумеркам до своего дома так быстро, что ноги не успели замерзнуть. Где оставила сапоги? Где, кому подарила девственность, так и не поняла... Это позже, случайно, проходя мимо краеведческого музея, увидела, как мужчина, в квартире которого она проснулась и имени которого не знала, входит в парадную дверь. Проследив за ним до его

кабинета, она узнала, что он является директором музея и что зовут его, как следовало из надписи на табличке, Юрий Михайлович Ланг.

Увидев Киру в дверях своего кабинета, Юрий Михайлович сначала долго вглядывался в нее, пытаясь, видимо, вспомнить, где же он видел эту женщину в кроликовой шубе и нахлобученном на голову капюшоне, но на всякий случай кивнул головой и спросил, что ей нужно.

– Да вот, зашла в ваш музей... первый раз, – соврала Кира, посещавшая музей еще будучи школьницей младших классов.

Она ждала от него хотя бы какого-нибудь проявления ласки, теплого слова, но Ланг пожал плечами и отправил ее к смотрительнице Елизавете Вальтеровне, мол, она вам все покажет и расскажет. И углубился в чтение какой-то книги.

Он ее так и не вспомнил!

Музей она в тот раз обошла весь под стрекотанье смотрительницы, высокой сухой старушенции, талантливого экскурсовода. А через пару дней снова пришла в музей, постучалась к Лангу. Вошла, села напротив него и, глядя ему прямо в глаза, спросила: «Где сапоги?»

Он смотрел на нее поверх своих очков некоторое время, потом глаза его стали расширяться, а на носу выступили капли испарины.

– Так это вы? – шепотом произнес он, доставая носовой платок и промокая им свое круглое розовое лицо.

– Да, это я. С Новым годом, Юрий Михайлович, – с легким упреком произнесла Кира и склонила голову набок в ожидании ответа и нормальной уже реакции мужчины на визит любовницы.

– Сапоги у меня, я нашел их под кроватью и готов вернуть, когда вам будет угодно. Вы уж извините, что я вас не узнал... Сам не знаю, почему все так случилось... Выпил лишнего... Закусок было много, и я не думал, что меня так развезет... Да я вообще думал, что вы мне приснились!

– Вообще-то меня зовут Кира.

– Очень приятно, Кира.

– Если удобно, я могу прийти к вам сегодня вечером за сапогами, – храбро предложила она, в душе желая попытаться продолжить отношения.

– Нет-нет, не стоит себя утруждать... – Он часто и мелко замахал руками, словно загребая снег. – Вы приходите завтра в это же время, утром, сюда, и я верну вам ваши сапоги... постойте, но как же вы тогда дошли до дому?

– Выпила воды, разбавила винные пары... – улыбнулась она, – и добежала... как пьяная была...

Но даже ее улыбка не повлияла на температуру их отношений.

– Вы извините, но я сейчас очень занят...

Кира целый день действительно ходила как пьяная, представляя себе их новое свидание. Она знала из книг и рассказов своей подруги Иды, что мужчины в большинстве своем существа в себе неуверенные, нерешительные, и что их «нужно брать». Кире хотелось нормальных отношений, мужа, детей, и она решила действовать.

Для начала испекла пирог с замороженной вишней, завернула в новое кухонное полотенце с вышивкой и положила в сумочку.

Вымылась, уложила феном волосы, надела новую белую блузку, черную юбку из дорогой английской шерсти (мама надевала ее всего-то пару раз, незадолго до смерти), черные итальянские колготки, ботинки на меху, набросила шубку и побежала к Лангу.

Он встретил ее в домашних широких штанах с отвисшими коленями, шлепанцах на босу ногу и просторной полосатой рубашке. Увидев Киру, Ланг нахмурился.

– Проходите, – наконец сказал он, впуская ее к себе.

Если бы Кира могла читать мысли, то прочла бы его сильнейшее нежелание видеть ее и вспоминать все то, что произошло тогда между ними в новогоднюю ночь. Животный инстинкт, один на двоих, сыграл с ними злую шутку, позволив сблизиться телесно, но отнюдь не духовно. И виной тому стал, конечно, алкоголь, с которым ни Ланг, ни Кира не умели обращаться и не знали своей меры. Ланг не собирался нести ответственность за произошедшее, к тому же он и не понял, что лишил девушку девственности. Да он вообще почти ничего не помнил. И вот теперь она здесь, пришла, и они оба не знают, что сказать и как вести себя.

Кира же, пройдя в квартиру, осмотрелась и отметила, что квартира запущена, что ее невозможно привести в порядок без ремонта и что, если Ланг только пожелает связать с ней свою жизнь, она готова здесь потрудиться. Кира мысленно уже и побелила потолок, и поклеила обои, сменила линолеум на ламинат, купила новые занавески и диван в гостиную.

– Вот, пирог, – сказала она, очнувшись от своих грез, разворачивая вышитое полотенце. – С вишней.

В тот первый вечер они пили чай, Ланг рассказывал Кире о своей работе, сетовал на то, что государство совершенно не занимается музеями, что практически не финансирует. Во время разговора он почти не смотрел на свою гостью и пирог тоже почему-то не ел. Он съест его сразу же после ее ухода, но она об этом никогда не узнает.

Права была Ида, конечно, Кира навязывается Лангу. Но кто знает, может быть, именно так и нужно действовать с подобными людьми, чтобы он привык к ней и перестал бояться. Может, когда-нибудь он осмелеет и пригласит ее в кино или в театр в областном центре. Кира считала, что ему нужно просто дать время.

– ...И дом в деревне продала, и машину отцовскую, и акции Газпрома, и дачу... И все деньги ему отдала, представляешь? – заливалась Ида, продолжая какую-то свою мысль, которую Кира давно уже упустила. – Все деньги ему отдала, а он возьми да и брось ее!

– Как... бросил? – Кира надеялась, что главное из разговора она все же поймет.

– Да вот так! Взял денежки и сбежал с ее подругой! Вот так. Они поехали в Москву, и больше уже Нина его не видела. А ведь я ее предупреждала, что нельзя вот так распахиваться перед мужчиной, даже если ты его и любишь... Ладно в душу, в постель свою впустила, но кошелек-то чего открыла? Кому она теперь без денег, с проблемами нужна?

– Ида, а у тебя как дела? Ты замуж не собираешься?

– Кира, ты заболела, что ли? Это когда я хотела замуж? Ну уж нет, дудки! Но если я почувствую, что мужчина действительно любит и готов подарить мне, скажем, дом или машину, словом, пожертвовать для меня что-то материальное, крупное, то это будет означать его серьезные чувства ко мне. И вот тогда, поверь мне, Кирочка, я буду самой милой и преданной женой на свете. Я буду варить своему любимому суп и жарить котлеты, рожу ему детей и стану во всем его поддерживать... А пока я этого не почувствую, буду тянуть с мужиков деньги, вот так-то.

– Но разве то, чем ты занимаешься, не является... проституцией?

– Глупая! Это называется любовь... Только другая, понимаешь? Я позволяю мужчине любить себя и проверяю его чувства...

Кира закрыла глаза и снова увидела кровь на бетонном полу, лицо мертвой девушки, маленькое колечко с рубином на безымянном пальце, кружевную блузку с расплывшимся пятном в области груди, серую шелковую юбку...

И голос ее, звонкий, высокий: «Убери от меня свои руки, гадкий, вонючий, противный урод!!! Меня сейчас вырвет от тебя!»

Они снова поговорили с Идой о невозможности заставить мужчину полюбить себя, затем всегда уверенная в себе Ида как-то по-щенячьи ласково потерлась щекой о щеку своей милой и невезучей подружки Киры и ушла к себе, даже не подозревая, что буквально через несколько минут Кира, умывшись, чтобы остудить разгоряченное фантазиями лицо, бросится вон из дома

и побежит, побежит, напрямую, по темным зеленым дворам притихшего Зулыштата навстречу своей судьбе...

2. Маша

Каникулы в унылом, пыльном и жарком июльском Зульштате, куда Маша Тропинина отправилась по настоянию своей матери, чтобы навестить тетю Люду, а заодно помочь ей варить варенье и компоты на зиму, буквально за несколько минут потеряли свою непривлекательность и приобрели глубокий и даже авантюрный смысл.

После домашней вишневки, расположившись на веранде, в прохладе ароматного от ночных фиалок сада, перезревшая и одинокая тетя Люда, урожденная Роут, поделилась с племянницей своими мечтами о вдовце-соседе Владимире Иоффе. Человек он очень порядочный, хозяйственный, держит два кафе в центре, а дети его еще два года тому назад уехали на постоянное жительство в Германию, поэтому вряд ли станут препятствовать их браку. Призналась, что два раза он ночевал у нее, что оказался мужчиной сильным и нежным и что она вообще счастлива. Сказала пару слов о его внезапно умершей жене Соне, «сгоревшей» от воспаления легких после грозы, во время которой она оказалась на одном из волжских островов и замерзла, ожидая лодку. Мысль плавно перетекла в траурное русло – вспомнились пышные похороны Сони Иоффе, Зульштатское кладбище, пока что еще сохранившее очертания чисто немецких захоронений, и, наконец, в ночи, ставшей уже не такой романтической, как во время разговора о любви, а приобретшей зловещую окраску, прозвучало роскошное слово «склеп».

– ...так что наша с твоей мамой бабушка, а твоя прабабушка, Марта Краушенбах, похоронена как раз там... Да только никто не знает, где именно.

– Постой... – Маша вынырнула из полудремы, в которую погрузилась после вишневки и сладкого пирога, – как это – никто не знает? Ты же сама сказала – в семейном склепе. Это ведь не иголка, а целый склеп!

Она изобразила руками полукруг, каким и должен был быть по форме в ее представлении каменный склеп.

– Знаю только, что он на немецком кладбище и что должен находиться где-то в самом его центре, в хорошем месте, понимаешь? Да только много времени прошло, в Зульштате уже давно русская кровь практически вытеснила немецкую, а потому и кладбище словно уменьшилось в размере, обросло новыми, русскими, могилами за столько-то лет!

– А когда она умерла? Ну, моя прабабка Марта?

– В 1957 году. Вот как родила твою бабушку, Катрин, нашу маму, так родами и умерла. Ее отец Петр не выдержал такого удара, говорят, он очень уж любил свою единственную дочку, и тоже умер. Но незадолго до смерти спрятал все свое золото (а он был богатым человеком, держал когда-то две мельницы, три пекарни и одну кофейню) в склепе, по слухам, как раз под каменным гробом Марты...

– Жуть! – проснулась окончательно Маша и тряхнула головой. – Зачем ему было прятать золото под гробом?

– Не знаю... может, он чувствовал, что скоро умрет, а потому решил забрать все с собой, чтобы никому не досталось его богатство. Он же к тому времени уже был один, его жена тоже умерла... Он потерял смысл жизни после смерти дочери, поэтому все так и случилось.

– Но если ты мне об этом рассказываешь, значит, и тебе тоже кто-то это рассказал?

– Я думала, что твоя мама тебе уже давно рассказала.

– Ой, ты что, не знаешь мою маму? Она не верит в подобные вещи, а потому даже внимания на это не обратила... Так кто тебе рассказал?

– Твоя бабушка, кто же еще?!

– Но моя бабушка, слава богу, жива и здорова и тоже ничего такого не рассказывала... Ты случайно не придумала все это?

Тетя Люда улыбнулась, посмотрела на Машу долгим загадочным взглядом, после чего куда-то ушла и вернулась уже с альбомом в фиолетовом плюшевом переплете. Между твердых пожелтевших страниц с приклеенными фотоснимками лежали свободно несколько фотографий, которые Людмила с каким-то особым любовным чувством разложила на скатерти. Это были очень старые черно-белые снимки, но на редкость четкие, качественные. На них были изображены мужчины, женщины, мельница, пекарня...

– Вот, смотри, это как раз Марта Краушенбах, ты, кстати говоря, очень на нее похожа, такая же красавица. Говорят, она была брюнеткой с голубыми глазами, и все мужчины нашего города были в нее влюблены. Но она, конечно, любила только своего Гюнтера...

– Так, стой... Что-то я не совсем въехала... Ты сказала, что отец Марты, ну, мой прапрадед, мельник и пекарь Петр Краушенбах, после смерти своей единственной дочери Марты остался совсем один и не хотел, чтобы его богатство досталось чужим людям, так?

– Так...

– Но Марта умерла родами, значит, она была замужем. Ее муж что, тоже умер? Что, они все поумирали?

– Нет, Гюнтер еще долго жил, и его фамилия была другая... Дай-ка вспомню... Нет, мысль крутится, но поймать ее не могу...

– Но тогда и Марта тоже носила другую фамилию.

– Понимаешь, она недолго носила фамилию мужа, как раз девять месяцев, что была беременна... Поэтому в памяти людей она так и осталась Мартой Краушенбах. К тому же она и замуж-то вышла поздно, когда ей было уже тридцать.

– А почему ее отец Петр решил спрятать золото от своего зятя?

– Правильный вопрос... Насколько я поняла, он возненавидел своего зятя за смерть дочери, он решил, что всему виной ее беременность, кажется, мать этого Гюнтера тоже умерла родами... Короче, мы с тобой уже в такие дебри забрались...

– Ну и главный вопрос: почему Петр решил, что его жизнь не имеет смысла, ведь у него же родилась внучка, Катрин?!

– Знаешь, как иногда бывает... Когда роженица умирает, то человек, который ее любил, сваливает всю вину на родившегося ребенка... Но в нашем случае, если даже дед твоей бабушки Катрин, Петр Краушенбах, и задурковал после смерти своей дочери, то уж ее отец, Гюнтер, делал для нее все, что мог. Когда-то его семье принадлежал большой дом...

– И где он сейчас?

– Там сейчас инфекционная больница...

– Фу! Это же наше родовое гнездо!

– Что поделать, советская власть все отобрала...

– А что, если вернуть? Сейчас же это можно сделать...

– А тебе это надо? Думаешь, это так легко сделать? Нужны деньги, много денег... А уж сколько документов – пропасть!

– Но в принципе-то возможно?

– Да говорят, один псих решил вернуть себе Кремль, считая себя прямым и чуть ли не единственным потомком Рюриковичей! Зачем тебе эта инфекционная больница, пропитанная этой самой инфекцией и забитая больными? Да будь у меня вот лично деньги, я бы построила, быть может, копию этого особняка, провела бы туда новые трубы, сделала отопление... Причем строила бы прямо на берегу Волги, рядом с дедовскими развалинами мельницы... Там такая красота!

– А это что такое? – Маша поднесла к глазам небольшой затемненный снимок, на котором были изображены кусты, камни...

– Да вот как раз это вроде бы и есть склеп, – сказала Людмила, откровенно зевая, поднимаясь и принимаясь убирать со стола.

– Какой же это склеп, когда здесь одни кусты?

– А ты приглядиись повнимательнее...

– Да я вижу – тут нет никакого склепа! Камни...

– Ты не смотри на эти камни, ты смотри в середину этих кустов, там должен быть вход в склеп. Кто-то из нашей семьи фотографировал. Ты включи свет и рассмотри все хорошенько! А камни эти – они как ориентир. Это разрушенный памятник какого-то доктора, кажется гинеколога, там и буквы есть... «Ch... i... hs». Вот по этому памятнику и надо искать склеп. Да только я тоже, как и все из нашей семьи, не верю в клад. Какое золото? Все, что было накоплено семьей Краушенбах, полетело прахом, когда началась война и нам, немцам, приказали оставить город... Что неправильно это, что в сердце России живут немцы. Предполагалось даже, что фашисты были связаны с нашими немцами, которые якобы вели подрывную деятельность... что сюда уже начали поступать какие-то средства... Что город заполнился шпионами, врагами народа и все такое... Словом, в сорок первом году автономия немцев была ликвидирована, их переселили в Казахстан, в Сибирь... Подогнали баржу и приказали немцам в двадцать четыре часа покинуть город... Все было сделано очень быстро. После того как люди ушли, множество домов оставались пустыми, по улицам ходил голодный скот... Даже кастрюли с супом в этих опустошенных домах стояли еще горячие, когда хозяева были вынуждены взойти на баржу... Думаю, это время было самым тяжелым для наших людей, и кто знал тогда, как надолго они покидали свои дома... потом многие, конечно, вернулись, после пятидесяти пятого года, а кто-то сгинул в Сибири...

– Ну вот... Начали за здоровье, кончили за упокой, – сказала Маша. – Вроде мы с тобой не так много выпили, а от разговоров о мужиках скатились до политики... Честно говоря, меня этот вопрос совсем не интересует. В то время вообще было много несправедливого, на то она и война...

– В твоей крови мало немецкого, быть может, от этого такое отношение? – задумчиво проговорила Людмила. – А для меня эта тема всегда была больной.

– Меня волнуют другие темы... – окончательно потеряв интерес к разговору, сказала Маша.

– И какие же, если не секрет?

Впервые, быть может, за все время их общения, растянувшееся на годы, между ними пробежал холодный сквозняк, который отрезвил их на минуту, дав почувствовать, что они совершенно чужие люди, хоть и родные по крови.

– Люда, у меня родители разводятся, ты разве не знаешь?

3. Золотой тоннель: прокурор

Константин Самойлов, молодой мужчина в черной майке и черных джинсах, остановился посреди комнаты и задумался. Так много предстояло сделать, и все дела такие тяжелые, невыносимые, наполненные тоской и безысходностью, что ему вдруг захотелось исчезнуть. Но не умереть, а именно исчезнуть на время, чтобы кто-то невидимый и сильный взял его за шиворот и поднял надо всей этой траурной круговертью, и держал так, в подвешенном состоянии, до тех пор, пока все не утрясется, пока не снимут с зеркал черную материю...

– Костя, ты чего остановился?

К нему подошла его сестра Рита, шатенка с черной лентой в волосах, в черном платье и черных чулках (и это в жару!).

– Уф... Жарко... просто мозги плавятся... – очнулся Константин. – Хотя бы у них там, в морге, с электричеством перебоев не было, как мне рассказывал один мой знакомый...

– Вот о чем ты думаешь! А ты не думай, все будет в порядке.

– Да у меня же вообще вся жизнь в полном порядке.

– Главное, держи себя в руках. Ты не должен выдать себя, свои чувства. Ведь ты любил ее, любил?

– Рита, прошу тебя...

– Ладно-ладно... просто завтра похороны, соберутся люди, и ты должен будешь вести себя очень сдержанно... Ну да, жаль, конечно, что умерла совсем молодая женщина, но она была тебе не жена, а лишь сестра жены... Ты понял?

– Тебе легко так говорить, а Лена для меня была... Я даже дышать без нее не мог, я постоянно думал о ней, считал часы, минуты до наших свиданий, да я просто... не знаю, как сказать... Она была для меня всем!

– Тогда почему не развелся с Эммой?

– Боялся...

– Чего боялся-то?

– Того и боялся... что произошло... понимаешь, отношения так накалились, знаешь, словно в воздухе замерло электрическое облако, готовое вот-вот разрядиться и сжечь все вокруг...

– Думаешь, Эмма вас подозревала?

– Я не знаю. Она же молчит. Она постоянно молчит. Думаю, что это ее молчание сослужит ей нехорошую службу и ей дадут максимальный срок.

– Да уж, судьи этого не любят, когда молчат...

Неделю тому назад жена Константина, двадцатипятилетняя Эмма Самойлова, вернувшись из Геленджика домой раньше на два дня, застала мужа в их спальне в постели с ее родной девятнадцатилетней сестрой Еленой Багаевой и зарезала ее кухонным ножом, после чего сама рухнула без чувств.

Очнувшись, хотела тотчас вызвать полицию, да Константин не разрешил, вызвал сестру Риту – обсудить создавшееся положение.

– Вы что, идиоты совсем?! – заорала на них Рита, увидев залитую кровью постель и мертвую Елену с ножом в животе. – Уроды! А ты, Эмма, что ты наделала? Она же была твоей сестрой! Она мертвая, ты понимаешь?

И она наотмашь ударила и без того находящуюся на грани помешательства Эмму по щеке.

Эмма, как приехала с моря в белых шортах и красной майке, загорелая, отдохнувшая, красивая, так и стояла теперь рядом с бездыханным телом сестры, но только забрызганная ее кровью и очень бледная.

– Я бы и тебя, скотину, убила, если бы не потеряла сознание, – прошипела она, косясь в сторону мужа. – Как вы могли? Ты – мой муж, она – моя сестра... два ножа предательства забили мне в спину, это ничего? А я только один! Верни мой телефон, я сама вызову полицию и во всем признаюсь и все расскажу!

– Не давай ей телефон, – жестко приказала Рита. – Она и сама не ведает, что творит... Сейчас ее повяжут и упекут лет на восемь. Может, она и дура, да только жена твоя. К тому же это ты, кобель, во всем виноват. Вот и думай теперь, как ее спасать. Адвоката я ей найду, если понадобится. Но я все же предлагаю спрятать труп...

Эмма истерично хохотнула, заламывая руки.

– Прямо криминальное кино! К чему такие сложности? Куда, на свалку мою распутную сестрицу отвезете? На помойку? – Она уже редела в голос, слезы капали на красную майку. – Да? Да это тебя, гад, надо туда... Ты же всю мою жизнь разрушил... всю...

Пока Константин с сестрой решали, куда спрятать труп, Эмма достала из сумочки Риты ее телефон, заперлась в ванной комнате и позвонила в полицию, сказала, что она убила свою сестру и назвала адрес, после чего телефон отключила, пошла на кухню, где продолжался спор о том, в какой район парка ночью отвезти тело Елены, и налила себе холодной воды.

– Пить хочется, – сказала она и принялась жадно, большими глотками, пить.

... – Может, заплатить кому, чтобы дело развалили? Мало ли кто признаётся в убийстве... Люди часто берут чужую вину на себя... Да она вообще не в себе! Вот положить бы ее в психушку на время, где ей поставили бы правильный диагноз, ты понимаешь, да? На ножето отпечатков никаких нет, слава богу, мы успели стереть... Может, это и не она была, а кто-то вошел в квартиру да и пырнул ножом...

– Рита, они же знают, что у нас с ней был секс... экспертиза показала. Все бесполезно.

– А тебе Эмму не жалко? Ты вообще представляешь себе, что ее ждет в тюрьме? Она же нежная, как цветок... Я всегда завидовала ее коже, она тонкая, мягкая... У нее на туалетном столике пятьдесят баночек с кремом стоит! И что теперь с ней станет? Ее сомнут и растопчут... А то и изнасилуют. Тебе на самом деле ее не жалко?

– Она хотя бы живая... А вот Лены больше нет. Ладно... Пусть все идет, как идет... Я устал и смертельно хочу спать. Я вообще забыл, когда спал последний раз. Ты платье привезла?

– Да, вот...

Рита достала из пакета платье розового цвета, короткое, с белым атласным пояском.

– Думаю, это подойдет...

Константин взялся за голову, за волосы и сжал, чтобы почувствовать другую боль, не ту, что изматывала душу, а вполне реальную, физическую. И даже взвыл.

Это розовое платье вызвало в нем столько воспоминаний! Когда он видел кого-нибудь в толпе в платье такого же оттенка, у него сердце начинало колотиться бешено, словно в предвкушении встречи с Леной. Сейчас, когда произошло это несчастье – когда на носу были похороны Лены и все ждали суда над Эммой, для которой прокурор непременно попросит максимальный срок, Рита не могла, конечно, не запустить свои коготки в его прошлое, не могла не задать ему кучу вопросов, связанных с его романом с Леной.

– Как давно это у вас? Что это на тебя нашло? Да что в ней особенного? Как ты мог? Зачем ты привел ее к себе домой? Почему раньше не ушел от Эммы? Неужели нельзя было найти себе любовницу где-нибудь в другом месте?..

Вот откуда у старших сестер право поучать, критиковать, вмешиваться в твою жизнь, требовать объяснений?

– Я любил ее... если тебе это слово хоть о чем-нибудь говорит...

Вот только почему, подумал он, слово «любовь» в контексте обрушившихся на него событий воспринимается сейчас как нечто пошлое, несерьезное, как попытка оправдать свою похоть и желание причинить боль жене?

– Вот, еще туфли, белые. Почти новые. – Рита достала из того же пакета с изображением огромной блестящей клубники на зеленом фоне туфли-лодочки с золотым бантиком. – Думаю, что будет нормально. Вот только не знаю, колготы надевать или нет?

– Рита, прошу тебя, уволь от таких подробностей!!! Мне и так дурно!

– Но это не я, а ты все затеял, это по твоей вине мы сейчас собираем одежду для твоей мертвой любовницы, – грубовато, ледяным тоном обрезала его сестра. – Так что давай, друг, не истери и возвращайся в реальный мир... Сегодня к вечеру я должна все это привезти в морг, и там оденут ее и заграмируют. Заметь, все это устроила я, то есть похороны. И нам нужно будет только позвонить еще раз в кафе и уточнить, все ли там готово к завтрашним поминкам.

– Еще одно слово, и я убью тебя, – сказал Константин.

– Тебе нож прямо сейчас принести? Ладно... Итак. С одеждой и обувью закончили. Колготы и белье я найду у Эммы в шкафу. Теперь давай собираться к Эмме. Ты приготовил ей все по списку?

– Да там такой список... Прокладки, трусы, кремы... Я не могу всем этим заниматься. Можно подумать, она не в СИЗО, а снова в Геленджик собирается.

– Свинья, вот ты кто. Мало того, что ты прямиком отправляешь свою жену в ад. Вернее, она уже там. Так еще и отказываешься собрать ей в СИЗО посылку с вещами! Да ты настоящий урод! Возьми себя в руки, будь мужиком! Ну нет Лены, так позаботься, насколько это, конечно, возможно, о своей жене!

– Жена... Убийца – вот она кто!

– А кто сделал ее убийцей? Ты вообще хотя бы на мгновение представь себе, каково ей сейчас. Еще недавно у нее имелаась семья, были любимый муж, любимая сестра, и вдруг в одночасье все исчезло... Самые близкие люди оказались предателями, жестокими и циничными...

– Послушай, ты мне сестра или?..

– Я сестра, поэтому и вожусь тут с тобой, объясняю простые вещи, которые до тебя не доходят. Собери, приготовь все, что просила Эмма.

– Я не могу, не могу! – заорал, потеряв всякое терпение, Константин, швырнул на стол список и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

– Идиот, – заключила Рита, села за стол и принялась спокойно изучать список, составленный несчастной Эммой в изоляторе.

Да, сама Эмма молчала, признавшись в убийстве и не посчитав нужным что-то добавлять или как-то оправдать себя, но вот ее записка, этот длинный список вещей, которые, по ее мнению, были ей просто необходимы в камере предварительного заключения, просто кричал о ее желании жить. Милые ее сердцу вещицы, любимая помада, прозрачные чулки, духи, флорентийское ландышевое мыло, кремы, вышитые носовые платочки... Понимая, что она, быть может, никогда их не увидит, она, выводя эти слова на бумаге, словно держала эти сокровища в своих руках.

...Слеза капнула на мятый несвежий листок. Рита перекрестилась. Дурак Костя, совсем раскис, расслабился. И это тогда, когда он должен собраться и действовать. Добиваться свидания с женой, просить у нее прощения, подбодрить ее известием о нанятом им адвокате. Запутался в двух женщинах.

Нет, она никогда его не поймет. Хорошо, ты влюбился в Лену, свою свояченицу, так почему же не признаться в этом жене, не сказать, что хочешь развода? Зачем прыгать из койки в койку? Он сказал, что не рассказывал Эмме о своей связи с ее сестрой из страха, что она, Эмма, сотворит что-то с Леной. Выходит, он хорошо знал свою жену, раз предпола-

гал такое. Или же лжет сейчас, чтобы оправдать свою нерешительность, трусость или скрыть желание обладать сразу двумя женщинами.

Рита не спеша, сосредоточенно, открывала шкафы, выдвигала ящики в поисках итальянского мыла и чулок, прокладок и духов, складывая все это на стол, чтобы потом уложить в сумку. Зеленое махровое полотенце, черные эластичные лосины, розовая туника, вязанные носки...

Дверь открылась, и она увидела Костю. Он тяжело вздохнул, сел в кресло напротив нее.

– Ты, наверное, права, – сказал он. – Ей сейчас там очень тяжело... Неужели ей дадут восемь лет?

– Дадут, если мы ей не поможем.

– Но должны же они учесть ее добровольное признание... – неуверенно произнес он.

– Мы должны выйти на прокурора, Петрова. У тебя есть знакомые, которые могли бы с ним встретиться и поговорить?

– О чем?

– Ты, Костя, ребенок, что ли?

– Взятку дать? Но это же не судья.

– Да зачем же нам доводить дело до суда? Петров многое может. Если постарается, то и дело развалит. Представит все так, словно Эмма твоя не в себе была, когда признавалась в убийстве...

– Рита, тебе не кажется, что мы ходим по кругу? Ты уже говорила об этом, и я ответил тебе, что обратного хода событий быть уже не может, поскольку в деле есть заключение экспертов, свидетельствующее о том, что Лена была со мной незадолго до своей смерти...

– Но убить Лену мог кто-то другой, ее парень, к примеру, который застал девушку в постели с тобой, приревновал и зарезал...

– Ты несешь полную чушь...

– Но попытаться-то можно!

– Рита, что ты такое говоришь? Я понимаю еще – обратиться к следователю. Вот он точно может развалить дело... Во всяком случае, я так думаю. Но прокурор... Почему именно прокурор?

– А ты посмотри, как живут Петров и следователь Вадим Липченко, и сразу все станет понятным. У Петрова не дом, а дворец! Как ты думаешь, можно так развернуться на прокурорскую зарплату?

– Да вообще-то у них немаленькая зарплата... К тому же у него жена крутая, она в Москве живет, у нее бизнес – магазины постельного белья. Спроси у кого хочешь в нашем городе. А Липченко живет один, он не женат, ну и, конечно, зарплата у него небольшая, это правда. Так, может, это ему как раз и надо дать?

– Я уже наводила справки – Липченко не продается. Потому у него иногда денег даже на сигареты нет... Ну вот, я все собрала. – Рита уложила в сумку последний сверток и застегнула молнию. – Уж не знаю, позволят ли ей все это взять... Нет, еду-то разрешат, там нет ничего такого, но разные там штучки... Не знаю. Костя, тебе правда ее не жалко?

– Я запутался, Рита... Совсем. Мне хочется, чтобы все поскорее закончилось и меня оставили в покое. Я сразу уеду куда-нибудь отдохнуть, развеяться... Иначе... иначе у меня голова лопнет...

И словно в подтверждение его слов раздался резкий и короткий хлопок. Рита даже подскочила на месте.

– Что это?

– Не знаю... Что-то упало вниз. Может, крысы в подвале?

4. Ланг

Его кабинет засиял веселым солнечным светом, когда в дверях появилась она. Высокая молоденькая брюнетка с лисьим взглядом синих глаз и полуулыбкой на пухлых губах. И он сразу понял, что теперь его жизнь разделится на две части, первая – до встречи с ней, вторая – после. Он и сам не мог понять, откуда вдруг взялось это знание? Быть может, за ними кто-то наблюдает сверху, с высоты звезд, и контролирует, чтобы линия жизни не промахнулась мимо предначертанной каждому судьбы?

– Это вы здесь самый главный? – спросила она, с каждой секундой становясь ему все ближе и родней. Откуда, откуда вдруг это чувство?

Юрий Михайлович Ланг с пылающими щеками поднялся со своего места и улыбнулся. Подумал, как же хорошо, что он сменил зубную пасту, купил себе дорогую, крепко пахнущую мятной. Да и рубашка на нем чистая, и брюки новые, летние...

Господи, что за чушь лезет в голову?!

Он был очарован незнакомой девушкой, всплывшей, как облако, к нему в тихий и унылый кабинет посреди жаркого дня. Как мираж.

– Да, я тут самый главный, – улыбнулся он, разглядывая ее. – Хотите посмотреть наш музей?

Он сразу понял, что она не местная, залетная птичка, райская.

– И да и нет, – напустила туману девушка. – Хотела бы просто найти такого человека, с которым можно было бы поговорить о прошлом города, о его жителях, о немцах...

– О, тогда это точно ко мне! – обрадовался он. – Я знаю про здешних немцев вообще все! Вы ищете родственников?

Он задавал вопросы, но ему хотелось самому догадаться, что же привело эту современную, одетую в шорты и майку девушку в краеведческий музей.

– Понимаете, я хотела бы сделать фоторепортаж местного немецкого кладбища... Дело в том, что я учусь на факультете журналистики нашего университета, и у меня есть летнее задание... Словом, я должна написать очерк о немецком кладбище Зульштата... У меня есть список немецких фамилий, присланных мне из Германии людьми, которые ищут свои корни... Теперь понятно? – И, не дав Лангу перебить себя, она быстро продолжила: – Работа предстоит интересная, но и опасная, поскольку я очень боюсь бывать на кладбищах... Но если мне удастся разыскать семейные склепы некоторых фамилий да еще и познакомиться с оставшимися в живых родственниками этих людей, то мою работу опубликуют в известном немецком журнале... Ну, это уже вам неинтересно...

– Почему же, очень даже интересно! И я с радостью вам помогу, чем смогу! Вы можете дать мне прямо сейчас ваш список, и я поработаю над ним, подниму архивы, быть может, найду интересующие вас документы, да и лично познакомлю с нашими немцами, их в городе много!

– Отлично! Правда, сейчас у меня с собой этого списка нет, я пришла сюда как бы в разведку... Вы до какого часа работаете?

– Сегодня до пяти.

– Хорошо, тогда я приду после обеда, и мы с вами еще поговорим, да?

Девушка исчезла так быстро и неожиданно, что Юрий еще несколько минут смотрел на дверь, за которой та скрылась, спрашивая, не приснилась ли она ему.

Он снова испытал то сладостное чувство возбуждения, которое посещало его по несколько раз в день, то напряжение, которое, всякий раз суля наслаждение, заканчивалось унылой и стыдной болью, и он вздохнул.

Его мужская энергия искала выхода, не отпуская его ни днем, ни ночью. И даже тихие музейные стены и вид дремлющей на своем месте неизменной смотрительницы Елизаветы Вальтеровны не заглушали в нем острого желания обладания женщиной.

Он думал о женщинах постоянно, чем бы ни занимался, что бы ни читал или ни смотрел. Глядя на одетую и застегнутую на все пуговицы женщину, он представлял себе ее голой, со всеми подробностями ее анатомического строения, со всеми складочками, округлостями, пышностями и влажностями. Мысленно он давно уже обладал практически всеми молодыми особами Зульштата, но вот реально познакомиться с женщиной и хотя бы взять ее за руку, не говоря уже о поцелуе, он не мог. Вот не мог и все. Робел страшно, болезненно. Он так глубоко увяз в своих невысказанных сексуальных желаниях, утонул в душном болоте своей неудовлетворенности, что иногда ему казалось, что его ненашедшая выхода и протухшая мужская энергия набухает и изливается гноем из крупных блестящих нарывов на лице и спине. Быть может, поэтому он несколько раз в день принимал душ, смывая свою физическую и моральную грязь, осознавая себя отвратительным типом, погрязшим в низменных инстинктах. И вот с таким грузом, ненавидя себя, он всеми силами старался полностью погрузиться в работу, сведя к минимуму общение с представительницами слабого пола и лишь издали подсматривая за ними, любуясь их совершенством и страдая от их недостижимости.

С появлением в его жизни Интернета, он стал живо интересоваться психологической стороной своей проблемы и пришел к выводу, что помочь ему в его беде может только он сам. Что он никогда в жизни не решится рассказать о себе никакому психологу или сексологу, а потому никогда не услышит и профессиональных советов, как же ему жить дальше. Значит, надо работать над собой самому и внушить себе мысль, что женщины – существа такие же реальные и обыкновенные, как и он, разве что иначе устроенные, и что нужно научиться с ними разговаривать, чтобы хотя бы узнать их лучше.

Безусловно, в свои сорок пять у него имелся опыт общения с женщинами, но весьма скромный и опять-таки стыдный. Родная тетя Эльза соблазнила его, когда он был еще мальчиком четырнадцати лет. Он запомнил только темную ночную комнату, запах красного вина, горький аромат хризантем, льющийся в распахнутое окно деревенского дома, куда он приехал вместе с родителями на свадьбу одного из родственников, да тяжесть горячего женского тела... Да, еще запах помады и чего-то животного, соленого, непонятного, словно это была кровь...

Были еще какие-то короткие и стыдные встречи с женщинами, случайные и с вином.

Быть может, именно запах и действие вина спровоцировали его в новогоднюю ночь на поступок, к которому он так пока еще и не выработал своего отношения.

С ним за одним столиком оказалась очень милая, скромная и тихая женщина по имени Кира. Очень аккуратная прическа из русых локонов, румянец во всю щеку, блестящие глаза, маленький носик... Вечернее платье ее, бархатное, красивого темно-красного цвета, в области груди просто-таки распирало от упругих (он чувствовал это!) форм! Чудесная молодая женщина лет тридцати, и совершенно одна, без кавалера!

Он смотрел на нее, можно даже сказать любовался ею, они вместе, чокнувшись бокалами с шампанским, проводили старый год, потом встретили новый, и он совершенно не помнил, как привел ее к себе домой и уложил в койку. Память просто отшибло.

Утром же он проснулся один, но ясно отдавая себе отчет, что ночь он провел с женщиной. Доказательством тому было множество мелких оставленных впопыхах этой женщиной предметов (шпильки, бутоньерка из красных бархатных цветов, помада, две скомканные влажные салфетки, на подушке – длинный русский волос, а под кроватью – зимние, с меховой опушкой, сапоги с натекшей лужей талого снега на паркете!) и некоторые детали интимного свойства.

Однако никогда в жизни он не испытывал большей гордости, чем когда обнаружил на простынях бурое пятно крови. Конечно, происхождение этого пятна могло быть самым разным, но Юрий придумал для себя, что оно появилось вследствие дефлорации им его русово-

лосой кроткой гостью. То есть что это он, Юрий Ланг, сделал из этой тихой мышки настоящую женщину. Напоил, привел к себе и сделал это. Как настоящий мужик.

Ему так понравилось воспринимать себя именно таким, не вполне серьезным и даже безответственным мужчиной, что, когда его наполовину фантазийная женщина вдруг предстала перед ним, материализовалась в кабинете и спросила, где сапоги, он так растерялся, что уже сейчас не помнил, что вообще нес! Она тоже, видимо, разволновалась, говорила что-то о винных парах, призналась, что бежала домой после этой безумной ночи босиком... Он сказал, что готов вернуть сапоги, когда ей будет угодно. А потом зачем-то сказал, что очень занят. Он хотел, чтобы она ушла. Вот взяла и ушла! Чтобы вернулась в его фантазии, позолоченные победным блеском, а не превращалась на его глазах в такое же запуганное, как и он сам, затравленное жизнью существо...

Да, именно это чувство, будто бы он увидел свое отражение, погасило в нем все то, что прежде распаляло его воображение, когда он вспоминал Новый год.

Уж лучше бы она была распутной девкой, шлюхой, разбитной и веселой девахой, вот тогда он бы с ней скорее нашел общий язык. Но вечером к нему пришла очень тихая и аккуратная, застегнутая на все пуговицы барышня с пирогами или с чем там еще... Она потом часто будет заходить к нему «на минутку» с кулинарными гостинцами, а он даже съесть их при ней не сможет, словно ему стыдно. Но и отказаться от пирогов или варенья он тоже не мог, не хотел причинять ей боль. Ведь человек старался, может быть, даже мечтал о нем.

И еще одно обстоятельство сильно мешало ему – все женщины, которых он вождделел, были реальными, причем местными. А это подразумевало при любом его провале или унижении перед ними (в чем он нисколько не сомневался, поскольку всегда был неуверен в себе) распространение слухов о нем по всему Зулыштату. Что он будет делать тогда, уедет? Или будет сидеть в своем музее, вообще не высываясь? У него и без того жизнь скучная и безрадостная, а тут еще такое...

Ладно, получилось (он это хорошо помнил) в новогоднюю ночь, но где гарантия, что получится и в другой раз? Да пусть даже и с Кирой?!

С другой стороны, у нее на лбу было написано: хочу за тебя замуж, Юра. Что ж, желание понятное, да только какой из него муж? Он вообще не понимает, как это – жить вдвоем. Спать в одной постели, есть вместе, разговаривать, целоваться, решать какие-то хозяйственные вопросы, договариваться о покупках... Брак иногда представлялся ему раем с необузданным сексом и праздником чревоугодия, но чаще всего – какой-то путаной, бессмысленной круговертью с суетой, выяснением отношений, недомолвками.

Однако иногда, представив себе, что он идет по парку за руку с малышом, своей маленькой копией, его охватывало такое теплое и светлое чувство, что даже слезу пробивало.

Ему было жаль Киру, но это чувство охватывало его всегда лишь после ее ухода, когда в комнате оставался слабый запах ее розовых духов, а на столе лежал сверток с пирогами, котлетами или вареньем, а ее самой уже не было. Он ее словно выдавливал из квартиры, сославшись то на занятость (откуда бы ей взяться, этой занятости, когда он от безделья уже не знает, чем себя занять!), то на нездоровье, то на усталость. Он – самый настоящий хам, неблагодарная скотина, свинья, и нет ему за это прощенья!

А может, он так вел себя, зная, что Кира никогда никуда от него не денется?

...Маша, как звали приезжую брюнеточку, заглянула в музей в три часа. На этот раз на ней были черные брючки и черная майка. На голове – красивый красный ободок с красным цветком.

– Салют! – поприветствовала она Ланга так, как если бы они были хорошо и крепко знакомы. – Ну что? Вы готовы?

– В смысле? Куда? – он поднялся и почувствовал, как кожа на его черепе вспотела и теперь неприятно покалывала.

– Как куда? На кладбище, конечно! Я вон во все темное переоделась. Будем ходить между могилами, искать склепы...

Несколько секунд Юрий Михайлович не мог проговорить ни слова. Кладбище. Что ж, вполне романтично для девушки с красным романтичным цветком на голове!

Что делать? Сослаться на занятость и перенести встречу на другой день? Но от этой Маши не так-то просто будет отделаться. Прет как танк.

Она же вдруг подошла к нему совсем близко и положила свою лапку к нему на грудь, улыбнулась широко, ласково так, мол, ну пойдемте, пожалуйста. Разве что не потерлась щекой о его щеку. Вот что бы он тогда сделал?

– Ну хорошо... – ответил кто-то внутри него, кто-то ненасытный и распутный, живущий своей, отдельной от Ланга жизнью и просто обожающий таких вот сладеньких девушек с тонкой талией, стройными бедрами и маленькой высокой грудью.

– Заметано! – Маша легонько хлопнула его по плечу.

...Кладбище заросло густыми сиреневыми кустами, дубами и издали казалось большой разросшейся рощицей на окраине города. Ланг, чувствуя близость молодого женского тела, с трудом выполнял свои обязанности экскурсовода. Войдя на кладбище с центрального входа с массивными литыми воротами, за которыми открывалась небольшая овальная площадь, он принялся рассказывать о самых помпезных, известных и дорогих захоронениях, но, наблюдая за выражением лица Маши, вскоре понял, что ее эта тема не интересует, что она стреляет взглядом то в одну, то в другую сторону, явно ища немецкие памятники и фамильные склепы... Однако ей придется разочароваться, поскольку старое немецкое кладбище заросло кустами, деревьями и травой и склепов практически не видно, их нужно еще поискать.

– Вот она, немецкая часть кладбища, – сказал Ланг чуть ли не извиняющимся голосом, показывая руками поросшие, заброшенные могилки.

Одна бровь Маши взлетела наверх в недоумении или недоверии.

– Да, вот так...

– А где же склепы?

– Пойдемте, покажу несколько...

Он привел ее к одному склепу, представлявшему собой окаймленную ровным рядом кирпичей полукруглую нору в земле, густо заросшую бурьяном. Слово земля в этом месте открыла рот с обломками некогда ровных зубов, и чернота внутри этого овала смотрелась просто зловеще. Взгляд невольно принимался шарить по поверхности земли вокруг этого рта в поисках глаз, наблюдающих за всем происходящим на кладбище.

– А вот и один из склепов.

– Мрак, пфф... – Маша фыркнула. – Ничего себе! А где же таблички, с помощью которых я бы, к примеру, смогла найти нужный мне склеп?

– Так вас интересует все-таки какой-то определенный склеп? – улыбнулся Ланг, и без того подозревавший, что легенду о журналистском расследовании девушка придумала. – Клад, что ли, ищешь?

Он с ходу перешел на «ты».

– Какой еще клад?! Да разве в этом богом забытом месте могут быть клады?

– Здесь клады ищут сколько я себя помню! – воскликнул Ланг. – Думаю, что и у тебя есть тоже какая-нибудь история, связанная с кладом ли, наследственными сокровищами, припрятанными твоими родственниками или родственниками твоих знакомых... Обычное дело.

– Но почему вы так решили?

– Да потому что – здесь реально можно найти клад! И находили уже, и именно в склепах. Думаю, что ты либо опоздала, либо тебе на самом деле предстоит найти сундук с золотом. Ты не думай, я не подкалываю тебя, это все вполне возможно. Немцы – народ серьезный, трудолюбивый, а потому и зажиточный, особенно много богатых немцев было до войны, так что у тебя есть шанс... Конечно, фамилию ты мне не скажешь, это страшная тайна, но главное, я думаю, ты из меня вытянула – я привел тебя на кладбище. Я прав?

Лицо Маши стало розовым.

– Ужасно не люблю, когда мне врут, – сказал Ланг. – Ну что, теперь я тебе не нужен?

И, не дожидаясь ответа, он развернулся и направился в сторону центральной аллеи кладбища.

– Постойте! – окликнула она его. – Куда вы уходите! Вы что же, думаете, что мне здесь не страшно?

– Просто не хочу мешать тебе искать клад...

– Да какой клад?! Нет никакого клада. Просто я хотела найти наш фамильный склеп... – она замолчала, все же не решаясь произнести фамилию своих немецких предков.

Ланг вернулся к ней.

– Но если ты действительно принадлежишь к одной из старинных немецких фамилий, то твои бабушка или дедушка наверняка проинформировали тебя о том, где может находиться склеп. Выходит, что ты ищешь *чужой* склеп.

– Да это вообще не ваше дело! – вспыхнула она. – Хотя... С другой стороны, конечно, вы мне нужны, вы же краевед!

– Назови фамилию.

– Давайте поступим следующим образом... – она оживилась, подошла вплотную к Лангу, словно боясь, что ее услышат покойники в могилах, поскольку рядом не было ни единой живой души. – Вы покажете мне все записи, документы, фотографии, имеющие отношение к старинным немецким фамилиям, семьям, а я вам за то, что вы предоставите весь этот материал, заплачу.

– Хорошо. И сколько же ты можешь мне заплатить?

– Ну... не знаю... Сто долларов или лучше евро. Устроит?

– Нет, не устроит. Ты поужинаешь со мной. У меня. Идет?

– Поужинать с вами, у вас? Ничего себе... Ну ладно... Хорошо...

Лангу казалось, что это не он, что все, что происходит сейчас на кладбище, – его очередной сон, фантазия, что такого просто не может быть! Он не понимал, как смог осмелиться говорить с этой девушкой таким тоном, словно он настоящий ловелас, бабник, мужик, коллекционер женщин, не знающий у них отказа! Слово за слово, и он превратился в главного героя его же собственной игры в соблазнителя. Вероятно, все это стало возможным в тот момент, когда он почувствовал ее слабость, когда понял, что нужен ей, что она приехала в Зульштат исключительно для того, чтобы разнюхать что-то о кладе (или тому подобном), а потому, пока не получит своего, не успокоится и не уедет. И это невозможно без его участия!

А может, просто наступил тот самый момент, тот пик его мужских желаний, когда с него сухой шелухой сползли все страхи и неуверенность в своих силах, уступив место древнему и мощному инстинкту, когда он понял, что именно эта молодая особа сделает его по-настоящему счастливым?

– Сегодня в восемь, – сказал он, расплываясь в улыбке, но чувствуя, однако, как начинают холодить спину и затылок привычные ему мелкие страхи. – Ты шампанское любишь?

5. Золотой тоннель: Жорж

– Ты настоящее животное, Жорж!

Худенькая черноволосая девушка еще некоторое время полежала на крышке рояля, глядя в отсыревший и покрытый черными пятнами плесени сводчатый потолок, затем опустила юбку и спрыгнула на пол.

Невысокого роста, полноватый мужчина средних лет невыразительной внешности стоял рядом с роялем и застегивал брюки. Он тяжело дышал, по его лицу с желтоватыми угрями катился пот.

– Все мы немного животные, – ответил он хриловатым голосом. – Одевайся и уходи скорее, ко мне жена должна прийти...

– Интересно, и чего это Светке делать здесь, у тебя на работе? – гримасничая, поднимая с пола голубые трусики и надевая их, спросила девушка. Ее звали Лена, она жила по соседству с Жоржем и была дочерью подруги жены.

Небольшая комната за сценой служила примерной самодеятельным артистам и была заставлена старинными гардеробами со сценическими костюмами, декорациями, пыльными музыкальными инструментами, потертыми туалетными столиками с потускневшими зеркалами, в углу стоял старый немецкий рояль. Директор городского клуба Зулыштата Жорж Маковский помимо своей основной деятельности как организатора праздников, конкурсов художественной самодеятельности, культурно-массовых мероприятий и прочих развлечений жителей активно снабжал молодежь травкой, таблетками и другими сомнительными удовольствиями самого широкого спектра действия. Находясь в родственных отношениях с представителем правоохранительных органов, отвечающих в городе за борьбу с наркотиками, Жорж проворачивал свои делишки, честно делясь с нужными людьми, и жил себе спокойно, сыто, разве что не ел с золотых тарелок. А вскоре он пристрастился к довольно опасному удовольствию: принуждал девушек к интимной близости в качестве платы за таблетки или травку. Когда же ему и это наскучило, он после полового акта требовал еще и денег за дозу, получая наслаждение теперь уже от унижения женщины.

– А тебе-то что? Вот, держи и помалкивай, – Жорж достал из кармана и сунул во влажную теплую ладошку девушки две розовые таблетки.

– А чего так грубо-то? – девушка поморщилась. – Правильно говорят: после совокупления каждый зверь печален.

– Дура ты, Ленка. Беги домой, пока тебя никто не видел.

– Через черный ход?

– Зачем дурацкие вопросы задавать? Ты что, первый раз здесь, что ли? Конечно!

Лена, пригладив на голове кудряшки, засеменила к выходу, однако тотчас была задержана тихим окликом Жоржа:

– А деньги?

– Какие еще деньги? – у нее округлились глаза.

– За таблетки, дорогуша.

– Так я же того... как бы расплатилась... – лицо Лены пошло красными пятнами. – Ты чего, Жорж, совсем охренел?

– Деньги, говорю. Иначе больше ничего не получишь.

– Ты что, спятил? С Ольги Горюновой, значит, денег не берешь, а с меня – берешь? Ты уж определись, Жорж: натура или деньги. Где это видано, чтобы двойную плату брать?

– Ты поменьше болтай, просто заплати и иди себе. – Он наблюдал за ней, и волна какого-то странного приторного чувства власти над этой потаскушкой охватывала его, придавая ему сил.

– Да нет у меня денег!

– А чего тогда пришла? Думаешь, что твои услуги стоят так же, как две таблетки дури? Ты что, подруга, берега попутала?

– Сам ты попутал! Ничего я тебе не должна! Да ты посмотри на себя в зеркало! Урод уродом, глядя на тебя, блевать хочется!

Зарвавшаяся тварь, считавшая себя чуть ли не членом семьи из-за дружеских отношений своей матери со Светланой, женой Жоржа, а потому решившая, что ей все позволено и все сойдет с рук, через мгновение уже лежала, раскинув руки и ноги, на полу с залитым кровью лицом. Жорж потом долго не мог вспомнить, как же это произошло – тяжелая пыльная валторна, которую он метнул в нее, просто пригвоздила ее к полу, разбив голову.

Лена умерла мгновенно. Пол под ее затылком начал темнеть, черные кудри, гордость и краса девушки, напивавшиеся кровью, на тусклом медном боку валторны появился красный блик...

Жорж испытал странное чувство, словно в этот самый миг, когда он осознал, что убил Лену, хрупкое стекло его сознания будто кто-то очень услужливый и добрый протер мягкой тряпочкой, отчего тотчас появилась ясность и яркость происходящего и, главное, наметилась определенная, точная цель. Да что там цель, смысл жизни. Огромная и страшная, холодящая душу проблема затмила все вокруг, и надо было действовать четко, умно и очень быстро, чтобы замести следы преступления, чтобы труп Лены исчез.

С одной стороны, Жорж испугался так, что у него заболел живот и первым порывом было броситься в туалет. С другой – его словно расколдовали и превратили в прежнего, нормального, без болезненных удовольствий, которые раздули его и превратили в липкий сладкий шар, Жору Маковского.

За окном был теплый августовский день, нежно-голубое небо сияло за высокими окнами старого католического храма, превращенного в клуб, солнце освещало пыльную гримерную с перепуганным насмерть директором и трупом девятнадцатилетней Лены Тимохиной.

Клуб оживал лишь вечером, когда начинали свою работу музыкальные кружки, когда на сцене начинались репетиции городского хора ветеранов или народного оркестра, когда в клуб валом валили скучающие пенсионеры, пытавшиеся пробудить в себе крепко уснувшие таланты, или молодняк, который под видом любопытствующих проникал в гримерную, чтобы купить у Жоржа дозу «удовольствия».

Сейчас же Жорж был в клубе один. Совершенно один...

Жорж пришел в себя, сосредоточился, подошел к старому резному гардеробу, открыл одну створку, отодвинул рукой театральное тряпье на плечиках и вошел внутрь, чихнул, вдохнув нафталинового духу. Нашупав в темноте ручку потайной двери, он открыл ее, и тотчас зажмурился от яркого солнечного света. Шагнул в это солнечное облако, он оглянулся.

Сразу за гримерной находилась крохотная комнатка, два на два метра, с большим окном, в которой стояли в ряд три сейфа с «дурью» и деньгами. Комната была без дверей и прежде являлась частью гримерной. Кто и когда отделил ее кирпичной стеной, можно было только догадываться. Скорее всего, эта перепланировка была произведена бывшим директором клуба, Вячеславом Фоминым, талантливым музыкантом, сколотившим свой вокально-инструментальный ансамбль «Волга-Стар», под музыку которого танцевала, влюблялась и размножалась молодежь семидесятых. Фомин спился и повесился молодым, его дочери только исполнилось восемь лет. Жена сразу же вышла замуж за своего дальнего родственника и укатила в Германию. Получалось, в городе не осталось никого, кто бы знал о существовании этой тайной комнаты. Именно это обстоятельство и побудило Жоржа сделать ее своим «золотым» кабинетом, своей сокровищницей.

Старый хозяин оставил в сейфах запасы спиртного и сигарет. Денег или драгоценностей не было.

Жорж вернулся в гримерную, завернул голову Лены в сорванное с вешалки платье и перенес труп в кабинет. Положил в угол. Ночью он найдет способ, как вынести его и закопать где-нибудь в лесу. Сейчас же ему нужно отмыть полы в гримерной, почистить валторну... Едва он привел место преступления в относительный порядок, в дверь постучали.

– Кто там? – сорвалось с языка Жоржа.

– Что за вопрос? – послышался высокий женский голос. – Это я, твоя жена, Света!

6. Кира

Вечером Кира подошла к дому, в котором жил Ланг. В сумерках окна дома светились леденцово-желтым, розовым, оранжевым светом. Она нашла желтые окна Ланга, дождалась, когда за занавесками появится его силуэт, и лишь после этого вошла в подъезд.

Если днем в нем было темно, прохладно и пахло кошками, то сейчас на каждом этаже горела лампочка, и кошачья вонь заглушалась запахами жареной капусты и крепким укропно-чесночным духом, как если бы где-то консервировали помидоры, огурцы.

Труп девушки ей не привиделся, поскольку Кира днем реально отстирывала пятна с одежды, замывала свои балетки. Но сейчас она была уверена – труп в подъезде нет. Его просто не могло быть, потому что наступил вечер, все жильцы вернулись после работы домой и уже обнаружили труп. Или...

Вынести его Юрий Михайлович не смог бы – рискованно, да и машины у него нет. Значит, втащил в квартиру и спрятал, чтобы вынести ночью.

Или же он затащил его на чердак.

Кира поднялась на площадку перед дверью в квартиру Ланга. Вот здесь, упиравшись ногами в порог, и лежал труп девушки.

Она позвонила. Долгое время было тихо, потом раздались какие-то неопределенные звуки. И снова все стихло. Кира позвонила еще раз, потом приблизилась вплотную к двери и прошептала в замочную скважину:

– Юрий Михайлович, это я, Кира.

Дверь почти сразу же распахнулась. Она увидела Юрия, одетого словно для выхода из дома. Чистый, опрятный, в белой рубашке, обутый в светлые ботинки.

– А... Это вы... – он насупился и замолчал, явно думая о чем-то своем.

– Юрий Михайлович, давайте поговорим.

– Не самое удачное время вы выбрали для разговора... – сказал он и поджал губы.

– Вы так и будете держать меня на пороге?

– Ну... хорошо... – он нехотя впустил Киру в квартиру, и она сама проворно заперлась за все замки. Посмотрела ему прямо в глаза. – Где она?

– Кто?

– Эта девушка... мертвая... Я видела сегодня. Она лежала прямо на вашем пороге. А до этого вы с ней ругались. Она оскорбила вас, я все слышала. Это вы ее... убили?

Последнее слово она произнесла шепотом.

– Вы что такое несете? – он перешел на шелестящий фальцет.

– Тсс... Только не вздумайте убивать меня. Моя близкая подруга знает, где я.

– Да вы не в своем уме! Уходите!

– Я не уйду, пока вы не ответите мне, куда ее дели. Если же она где-то здесь, в вашей квартире...

С этими словами Кира бросилась осматривать всю квартиру, Ланг следовал, молча, пытая, за ней, как паровоз.

Труп девушки она обнаружила под кухонным столом, покрытым новой, сильно пахнущей клеенкой, концы которой свисали почти до пола.

– Сильно воняет... – сказала она, приоткрыв клеенчатый «занавес» и разглядывая покойницу.

– Это не она пахнет, это клеенка, так воняет поливинилхлорид, – находясь на пике волнения, зачем-то пояснил Ланг. Его просто колотило.

– Юрий Михайлович, так за что вы убили эту девушку? За оскорбления? И кто она вам?

– Я ее не убивал... – дрогнувшим голосом ответил Ланг, сел за стол и заплакал. – Ее кто-то застрелил. У нее огнестрельная рана в груди.

– Да, я видела. Но прежде она была у вас, и вы с ней ругались. Она оскорбляла вас, я же слышала. Она обвиняла вас, говорила, что вы импотент, что приставали к ней... Это правда?

– Послушайте, я повторяю еще раз: я ее не убивал. Да, мы с ней разругались. Это верно. Но я к ней не приставал. Это не то, что вы подумали... Все очень сложно... Мы поругались, она вышла от меня, потом я услышал звук... такой... как это сказать... Как если бросить монету с силой в жестяное ведро... Короткий металлический звук. Пистолет, я предполагаю... Кто-то знал, что она у меня, подкараулил и убил ее, тем самым подставив меня.

– Она была вашей любовницей, ведь так?

– Это вышло случайно.

– У вас была с ней связь... сегодня? Была, можете не отвечать, я же все слышала...

– Вы что же это, подслушивали?

– Я приходила к вам утром, вы как раз ругались... У вас и дверь была не до конца закрыта... Она сказала, что вы противны ей, что она жалеет, что это произошло, что она чувствует себя грязной... – она намеренно озвучивала самые болезненные для него слова, готовя Ланга к самому главному, к своей цели.

– Прекратите! Что вам нужно от меня?

– Сначала объясните мне, что вас связывало. Кто она такая?

– Приезжая. У нее здесь тетка живет. Она искала семейный склеп. Прилипла ко мне, вцепилась мертвой хваткой, попросила меня найти сведения о семье, о склепе...

– И что? Вы помогли ей? Нашли склеп?

– Да не знаю я уже ничего... Она мне ничего не рассказывала... Я обманул ее... Мне не нужны были от нее деньги, я хотел, чтобы она была со мной... Вот так... – его дрожащие руки едва касались клеенки. – Я нехорошо с ней поступил, потому что все это несерьезно... Все эти склепы, истории о кладках... Бред!

– Как вы ее обманули?

– Это вообще неважно...

– Почему вы не вызвали полицию?

– Потому что я не идиот. Она была со мной утром... вы же сами все слышали... Я подумал, что в ее организме остались мои биологические следы... Кира, не смотрите на меня так... Уж так случилось, что мы с вами стали близкими людьми... Думаю, что я должен извиниться перед вами за Новый год... Получается, что я изнасиловал вас.

– Глупости! – Кира почувствовала приятное волнение, что было совершенно несвоевременно и даже противоестественно в данной ситуации. – Еще неизвестно, кто кого изнасиловал. Тоже мне, насильник нашелся...

– Но если проведут экспертизу, то найдут мои следы в ее теле... Я же не дурак, фильмы смотрю, книжки читаю... Да и убили ее прямо у моей двери. Меня посадят, если я вызову полицию и расскажу всю правду. Я не отмоюсь. Это будет позор на весь город. Как после этого жить? Гнить в тюрьме за чужое убийство?

– И что вы решили?

– Мне надо избавиться от трупа.

Кира приблизилась к Лангу, обошла его сзади и положила ему руки на плечи. Мягко коснулась губами волос на его затылке. От них пахло мужской туалетной водой – горьковато-сладкий аромат.

– Юрий Михайлович, я готова помочь вам, но при одном условии.

Он закрыл глаза. Напрягся.

– Если все закончится благополучно, вы женитесь на мне?

– Зачем вам я? И что значит, «закончится благополучно»? Где гарантии, что меня оставят в покое, даже если мы спрячем труп на Марсе? Ее могли видеть входящей в подъезд...

– А вы просто дайте честное слово – и все.

– Вам нужна свадьба или... Я что-то совсем уже ничего не понимаю...

– Я хочу, чтобы вы были моим мужем. Я буду заботиться о вас, кормить вас, стирать ваши рубашки, я сделаю в вашей квартире ремонт!

– Да вы же меня совсем не знаете!

– Так вы согласны? Если да, то я помогу вам спрятать труп и буду молчать. Я стану вам самым близким другом!

– А вы не обманете меня? – спросил Ланг, тихонько завывая. Конечно, в этот момент Кира видела перед собой совершенно раздавленного страхами, запутавшегося человека, даже уже не дающего себе труд скрывать эту свою слабость от нее, от женщины.

– Я буду любить вас.

– Хорошо. Я женюсь на вас, – прошептал он тихо, как если бы давал страшную клятву.

– Прямо сейчас.

– Как это?

– Ну... так, что я теперь всегда уже буду с вами, словно мы поженились. Дело же не в печати.

– А вы странная.

– Вы согласны?

– Хорошо. И что мы теперь будем делать?

– Дождемся, когда все в доме заснут, я подгоню отцовскую старую машину, мы погрузим тело и отвезем на Графское озеро. Вот и весь план.

– И вы реально можете его осуществить?

– Юрий Михайлович, у нас маленький город... Ночью вы не увидите на дорогах ни одного полицейского. Да и вообще – все свои! Обещаю, что все закончится самым наилучшим образом. Главное ведь, что вы не убивали!

– Поверьте мне, я на самом деле никого не убивал... Конечно, если вы слышали, какими словами она меня... унижала... Я бы мог ее, скажем, ударить, это да, хотя... Признаюсь, я ни разу в жизни никого и пальцем не тронул... Просто мог бы инстинктивно, чтобы поставить ее на место, дать ей, например, пощечину... Но убить, да еще и застрелить! У меня и оружия-то нет.

– Я верю вам, Юрий Михайлович.

Она чувствовала, как наполняется силами. Машина ее отца стояла в гараже и была на ходу, это она отлично знала, да только водила она крайне неуверенно. Вот разве что ночью, когда улицы пустые... Тем более что отец и учил ее вождению ночью.

Теперь – труп. Труп они постараются уложить между сиденьями, передними и задними, девушка худенькая, должно все получиться. Сверху она уложит картонные коробки, которых полным-полно в гараже. Словом, так замаскирует тело, что, даже если их остановят, его не заметят.

Удивительным было и отсутствие страха. Она совершенно ничего не боялась. Быть может, она чувствовала себя такой уверенной потому, что это не она убила девушку, да и Ланг тоже, по всей видимости, ее не убивал, а потому она как бы собиралась сделать доброе дело, помогая ему выпутаться из опасной истории. Он был прав, стоило ему позвонить в полицию, как его сразу же задержали бы. А если бы еще узнали, что незадолго до смерти девушка с ним переспала, так он точно не выпутался бы. Бедный Ланг. Похоже, он был влюблен в эту молодую особу. Он сказал, что обманул ее. Кира предположила, что этот обман мог быть связан с той информацией, которую он подкидывал небольшими порциями девушке в обмен на любовь. Быть может, выдавал ей копии архивных документов, которые не имели никакого отношения

к той фамилии, которая ее интересовала. Да мало ли чего можно было придумать, чтобы напустить туману, чтобы привязать ее к себе хотя бы на время...

– Так я пошла? – она ободряюще улыбнулась Лангу, собираясь за машиной.

– Хорошо, я буду вас ждать. – Он судорожным движением ребенка, которого собираются оставить одного, схватился за ее запястье.

Кира бежала, летела по городу, мысленно начиная супружескую жизнь. Перед ней проплывали картины ее уже сегодняшнего прекрасного будущего, определенного, наполненного новым смыслом. Конечно, она понимала, что те чувства, которые она испытывает к Лангу, лишены приторного романтического флера, каким подернуты миллионы любовных романов и историй, зато она уже не одна, у нее есть муж! Она нисколько не сомневалась, что Ланг сдержит свое слово и женится на ней. Конечно, с ее стороны это было давление или даже шантаж, но иначе разве бы он женился на ней? Да ни за что! А вот сейчас, когда он испугался, смертельно испугался, он увидит в ней свою спасительницу, друга, и сделает для нее все, что она ни попросит.

Кира понимала, что она всегда будет напоминать ему о пережитом им кошмаре, связанном с убийством этой девушки. Однако и эти неприятные воспоминания рано или поздно выветрятся. Вероятно, все было бы иначе, и призрак убитой девушки преследовал бы его всю жизнь, если бы он на самом деле ее убил. А поскольку его просто подставили, то ему и беспокоиться как будто бы не о чем. Разве что о том, что он в последние часы ее жизни, находясь с ней в близости, проявил себя не лучшим образом. Но и эту беду она от него отведет, даст ему почувствовать, что он сильный мужчина. Она постарается.

Необычайный прилив сил позволил Кире в короткий срок добраться до отцовского гаража, вывезти машину и приехать к дому Ланга.

Совсем стемнело, единственный фонарь освещал небольшое пространство двора и ближайšie деревья. Однако круг света не касался теневой полосы, примыкавшей непосредственно к дому, то есть два крыльца двух подъездов были в полной темноте. А это означало, что тело можно вынести незаметно, прижавшись к стене дома. Затем, повернув за угол, где стоит машина, можно будет уже совершенно спокойно уложить туда труп, завалить его пустыми картонными коробками, которые она предусмотрительно взяла с собой, и все, дело сделано!

Ланга она нашла белым и мокрым, находящимся в полуобморочном состоянии.

– Юра, соберитесь, – сказала она, поглаживая его ладонями по плечам и глядя ему в глаза. – Я одна ее не дотащу.

Она нашла нужные слова, чтобы убедить его в том, что на улице темно и никого нет, что даже если предположить, кто-то из жильцов дома не спит, то все равно они физически не смогут увидеть то, что происходит прямо возле стены дома.

– Главное, держаться в тени, понимаете?

– Мне как будто страшный сон снится... – прошептал он, косясь на кухонный стол, под которым лежал труп.

Уговаривая Ланга, как ребенка перед кабинетом стоматолога, Кира заставила его вытянуть тело за ноги из-под стола...

Дальше все происходило так, как она и задумала. И вскоре они уже сидели в машине, Ланг рядом с ней, а сзади, прикрытый коробками, лежал труп девушки Маши.

Город был оранжевым от света уличных фонарей и, к счастью, совершенно пустынным и даже каким-то нереальным, призрачным в этой своей тихой пустоте. Такие города, подумала Кира, люди видят в своих спокойных снах.

– У меня есть два сюрприза, если их, конечно, можно так назвать, – сказала она, когда машина подъехала к берегу черного, в лунных бликах, Графского озера, расположенного в двух километрах от Зулыштата.

Кира вышла из машины, достала из кармана куртки фонарик, открыла багажник машины и посветила внутрь.

– Сидите и не выходите из машины! – шепотом прикрикнула она, видя, что Ланг уже заносит ноги над травой. – Вот, это папины старые ботинки, надевайте, а я уже в его калошах... Думаю, вы просто не обратили внимания.

– На самом деле сюрприз... – сказал Ланг. Здесь, на озере, когда их уж точно никто не мог увидеть или услышать, он словно ожил. – Давайте сюда ваши ботинки! Скажу честно, я просто в восхищении...

И хотя он все еще продолжал дрожать, все равно чувствовалось, что ему стало намного легче.

– Мы что, бросим труп в воду? – спросил он, оглядываясь на черные бархатные кусты, росшие на берегу.

– Сюрприз номер два – камень, вот, видите, в багажнике... Хотя, с другой стороны, может, не стоит так поступать с ней... Пусть уж ее найдут да и похоронят по-человечески? – Эта мысль пришла Кире только что и очень понравилась. Она показалась ей человеческой, насколько вообще можно было думать об этом в создавшейся сложной и двусмысленной ситуации.

– Да, вы правы... В сущности, она была неплохой девушкой. Не преступница какая... И мне ее жаль. А с другой стороны, она была, конечно, злая... Хотя и не принято говорить о покойниках плохо. Но вы сами тому свидетель – она так оскорбляла меня... А что я ей сделал? Она же сама ко мне пришла... Да, согласен, я решил воспользоваться ее доступностью, но она, повторяю, сама мне все это предложила. Она была испорченная и сама уже не знала, чего хотела. Я же не насиловал ее.

– Ладно, бог с ней... Честно говоря, мне все это неприятно слушать.

– Ох да, извините меня, пожалуйста. Итак. Что мы решим?

Как же согрело ее душу это «мы решим». Захотелось обнять Ланга и поцеловать.

– Думаю, ее надо оставить прямо здесь, рядом с кустами... Это место облюбовали местные рыбаки, вы знаете. Вот рано утром ее и обнаружат. Вызовут полицию, и начнется расследование... Одно дело, если бы это вы вызвали полицию, вы, хозяин квартиры, возле которой ее убили, и другое дело, если ее найдут у озера...

– Кира... А следы протекторов вашей машины... Как в этом случае поступим? Место преступления будет оцеплено... Непременно сделают слепок...

– Машина моего отца стоит на приколе, им просто не с чем будет сравнить этот след... Да и вообще, я не боюсь. Честно. Я тут ни при чем, я даже не была с ней знакома! Сейчас вернемся в город, я поставлю машину в гараж, и мы вернемся домой пешком. Все! История эта для нас будет закончена.

Они вытащили труп из машины, перенесли поближе к кустам, уложили коробки на заднее сиденье и поехали в город. Добрались до гаража, Кира поставила машину на место, и они пешком, узкими улочками, добрались до дома Ланга.

Она нервничала, боясь, что Ланг вот сейчас, когда они приблизятся к его дому, скажет ей: «Спасибо вам, Кирочка, спокойной ночи», – или что-нибудь в этом роде.

Но ничего подобного не произошло. Они поднялись к нему, и Ланг сам, собственноручно запер двери на все замки.

– Что, чайку? – спросил он.

– А покрепче ничего нет?

– Есть, конечно! Виски устроит?

Кира подумала, что виски он покупал наверняка для Маши. Хотя откуда ей знать, какие напитки он вообще предпочитает.

– Еще есть коньяк, водка...

– А закуска есть?

– Если честно, то нет... Вчера купил на базаре помидоры, перец...

– А яйца есть?

– Этого добра у меня много, я покупаю у соседки, она из деревни от матери привозит деревенские, такие хорошие...

– Тогда, если вы не против, я приготовлю яичницу и салат. Посидим, поужинаем.

– Я рад... Господи, как же хорошо, что вы, Кира, ко мне пришли. Я бы погорел, точно погорел. Меня посадили бы. Ведь многие видели, как она ко мне приходит. Как можно не заметить такую девушку, входящую в наш подъезд... Остается надеяться, что меня потревожат сейчас исключительно как свидетеля. И я расскажу им все, как есть. Про склеп, про то, что она хотела побольше узнать о своей семье...

– Думаю, вам не о чем беспокоиться. Уж у вас, Юрий Михайлович...

– Можно просто Юра, – его взгляд потеплел. – Да и вообще, надо бы перейти на «ты», если уж мы решили пожениться...

Вот теперь его лицо стало красным.

– Хорошо... – она улыбнулась. – Значит, ты не передумал?

– Что? Жениться на вас... на тебе? Да нет, конечно... Я ужасно рад, что ты сейчас здесь. Нет, ты не подумай, я все понимаю, что происходит... Да и ты тоже понимаешь. Страх... Он такой... опасный, что ли. Но когда ты рядом, мне не страшно. Я ужасно рад, повторяю, что ты здесь. К тому же мы не чужие. Сама понимаешь, о чем я. Да и не только в этом дело. Ты сколько раз приходила ко мне... Признаюсь, я вел себя по отношению к тебе не очень-то... Но это не со зла...

Она слушала его, уже разбивая яйца на сковороду с шипящим маслом.

– Просто я никак не мог представить себе брак. Брак... Такое слово... Вот просто не мог представить себе, что рядом со мной еще кто-то живет. Нет, я не к тому, что боюсь женщин или что-нибудь такое... Нет! Женщины приходят, но потом уходят, это все понятно. Но чтобы жить тут, у меня... Как спать с женщиной? Может, будет тесно и я нечаянно ее толкну коленом или локтем... Вот такие глупости лезли в голову, когда я смотрел на тебя и представлял себя твоим мужем.

– Так ты все-таки представлял меня здесь, у тебя? – от счастья ей хотелось заплакать. Или же она просто перенервничала. В любом случае тут, на просторной кухне Ланга, она чувствовала себя спокойно.

– Конечно, представлял. Ту еду, что ты приносила, я потом съедал, и мне казалось тогда, что это просто немыслимо, невозможно, чтобы мне вот так каждый день кто-нибудь готовил такие вкусности... Что это какой-то незаслуженный разврат.

– Значит, ты не жалеешь...

– Нет-нет... Ты ведь уже, наверное, поняла, что со мной не просто. Может, только таким вот странным, шоковым способом меня и можно было заставить жениться... И пусть тебя не смущает это слово «заставить». Это в хорошем смысле. Вот детей тоже заставляют выпить лекарство, и тоже в хорошем смысле. Для их же блага. Словом, я воспринимаю создавшуюся ситуацию именно так! И я рад, нет, честно, рад, что ты здесь, со мной...

Он достал из холодильника бутылку водки и разлил по рюмкам.

– Пока ты готовишь, может, выпьем? Для храбрости. Ну и для того, чтобы мне окончательно расслабиться. А потом, когда накроешь на стол, выпьем уже за нас.

Она с удовольствием выпила с ним.

Ай да Юрий Михайлович! Его было просто не узнать. Получается, что она на самом деле его практически не знала! А что, если он милый, приятный в общении? Это с виду он такой сухой и даже колючий, а может, когда расслабится, когда привыкнет к ней или вообще полюбит, то у них сложится прекрасная семья?

Кира разложила полыхающую жаром яичницу по тарелкам, поставила салатницу, полную помидоров и красного сладкого перца в центр стола, попросила Ланга нарезать хлеб. Чем не семейный ужин?

Позже, глубокой ночью, когда они оба, уставшие от свалившихся на них событий и впечатлений, легли наконец спать, Ланг, охваченный не свойственным ему порывом обрести покой и умиротворение, прижавшись к женскому телу, закрыл глаза и замер, прислушиваясь к своим ощущениям. Кира была теплая, мягкая и большая. Как мама.

И он впервые за многие годы почувствовал себя совершенно защищенным.

7. Маша

«1957 год. Вот как родила твою бабушку, Катрин, нашу маму, так родами и умерла. Ее отец Петр не выдержал такого удара, говорят, он очень уж любил свою единственную дочку, и тоже умер. Но незадолго до смерти спрятал все свое золото (а он был богатым человеком, держал когда-то две мельницы, три пекарни и одну кофейню) в склепе, по слухам как раз под каменным гробом Марты...»

Музейный человек был таким противным, что Маша сразу же окрестила его про себя Циннобером. А уж мнения о себе был высоченного. Музейная крыса. Уродец. И вот с ним ей предстояло поговорить о семье Краушенбахов, о Марте, похороненной в родовом склепе, под гробом которой ее отец закопал золото, причем таким образом построить свой разговор, чтобы не особо и раскрываться. Кто знает, может, он успеет раньше ее воспользоваться ее историей, сам сможет разыскать клад и украсть его!

Зулыштат – город небольшой, а потому и найти что-то в его архивах, по мнению Маши, было не так-то сложно. И помочь ей в поисках нужного склепа мог, конечно, только человек сведущий, вот такой вот Циннобер.

Строго придерживаясь принципа никогда не готовиться к важному разговору, а полностью положиться на судьбу, на случай, Маша наговорила ему что-то о своем желании узнать больше о своей семье, найти семейный склеп, и теперь, когда она вывалила все это ему на голову, ей оставалось только ждать, когда же этот Циннобер приведет ее к склепу Краушенбахов.

Оказалось, что Циннобер не так-то прост, больше того, он положил на нее глаз! Ей бы расхохотаться ему в лицо, когда он пригласил ее к себе поужинать, но тогда можно было бы испортить все дело. Поэтому она сдержалась, хотя и выразила свое недовольство в тот момент, когда он предложил ей в обмен на информацию ужин в его доме. Да что он может ей сделать, этот уродец? Изнасиловать? Вряд ли. Слишком хлипкий какой-то, несерьезный. Ну, поужинает она с ним, выпьет. В крайнем случае даст себя поцеловать. Не такая уж высокая плата за возможность увидеть семейный склеп, набитый золотом, своими глазами.

Маше и до этого приходилось иметь дело с разными мужчинами. Чаще всего она делала это по своей воле, то есть руководствуясь своим желанием. Иногда ее склоняли к этому, когда она бывала в сильном подпитии или под кайфом. Реже она отдавалась мужчинам, когда ей было что-то нужно от них. Список этих нужных любовников был небольшим и состоял в основном из преподавателей университета, где она училась на филфаке, да друзей ее отца, делавших ей дорогие подарки и помогавших в каких-то ее делах, проблемах. Такой легкости в отношениях с мужчинами ее научила одна подруга, крайне неразборчивая особа, для которой секс являлся необходимостью, без чего она просто жить не могла. Маша попала под ее влияние лет в пятнадцать и научилась у нее помимо всего прочего главному – оправданию своих грязноватых поступков и связей.

Подругу звали Марина Валеева, она тоже училась на филфаке, но только, в отличие от Маши, она считала себя личностью творческой, неординарной. Она писала неплохие стихи, новеллы, рисовала картины, расписывала акрилом стены, путешествовала автостопом по России и Европе, словом, жила так, как ей хотелось, получая от жизни максимум удовольствия.

Взяла Маша от Марины и еще одно ее свойство, которое на самом деле сильно помогало ей в жизни: скрытность, умение держать язык за зубами. Парадокс. Зная все, казалось бы, о Марине, то, что было на поверхности, что она видела своими глазами, Маша, однако, не знала, чем жила и дышала Марина в глубине души. Мужчины, картины и стихи – все это было

на поверхности. А вот что питало Марину, где она черпала свои силы и желания, энергию и жизнелюбие, все это оставалось скрытым от посторонних глаз.

Вот и Маша молчала. Быть может, поэтому, изнемогая подчас от желания кому-то выговориться, с кем-то посоветоваться, Маша сдерживалась и, таким образом, не давала возможности другим людям узнать о ее слабостях и наклонностях.

А слабости были, и Маша стыдилась их. К примеру, в отношениях с мужчинами ее возбуждали элементы насилия. Или же, что было самым сокровенным и стыдным, ей нравились обыкновенные, некрасивые, неинтересные мужчины. Из толпы. На время, на час или два. И вот как раз таким мужчиной был Циннобер. Никакой. Вот таких мужчин можно было унижать, смешивая с грязью, не боясь мести или отпора. Она сразу почувствовала это, как только поняла, что он запал на нее.

Знала Маша и то, что в глазах окружающих она девушка серьезная, чистая, практически невинная. Так же думали о ней и ее родители, которых не особо-то и занимала дочка, поскольку они постоянно были заняты своими проблемами, точнее, своими отношениями. Посещение родительских собраний было для ее матери единственной связью с внешним миром дочери, и на этих собраниях Машу Тропинину всегда хвалили и ставили в пример другим ученикам.

Шли годы, Маша росла, взрослела и с каждым годом все отчетливее понимала, что все наладилось бы в их семье и отношения родителей потеплели бы, если бы в доме прибавилось денег. Безденежье убивало все ценное, чем жили раньше супруги Тропинины. Мир менялся вокруг них, менялось благосостояние их друзей и родственников. Кто-то сильно поднялся наверх, а кто-то продолжал считать копейки.

Марина Валеева неожиданно для всех вышла замуж за богатого бизнесмена и укатила на Мальорку, на его виллу. И общалась теперь с Машей только по скайпу. Она сильно изменилась, ушли нервозность, осторожные взгляды, и с экрана на Машу смотрело совершенно счастливое существо с округлившимся животиком, меньше всего похожее на маленькую распутницу с километровым списком любовников.

И вот теперь, когда беременная Марина поедала на Мальорке скатов да плавала в бассейне, Машу отправили в захолустный Зульштат варить варенье в обществе скучнейшей тетки. Разве так она провела бы каникулы, будь у нее деньги? Да она прямиком отправилась бы к Маринке в гости, уж они бы там развернулись...

История Марты Краушенбах, рассказанная теткой, вызвала в Маше живой интерес, больше того, она, девушка трезвомыслящая, предположила, что под гробом прабабки вполне могло быть спрятано золото. А почему бы и нет? Если бы этого не было на самом деле, то откуда взяться этой легенде? Многие люди находят клады, руководствуясь такими вот странными и кажущимися нереальными историями. А уж ей, самой судьбой закинутой в Зульштат, грех было не воспользоваться обстоятельствами. Да и музей как-то быстро нашелся, и Юрий Михайлович Ланг, для которого история немецких семей Зульштата – все равно что развернутая книга, которую нужно просто полистать.

Безусловно, Маша, как и всякая другая девушка на ее месте, любила производить впечатление на мужчин, пусть даже и таких, как Ланг, своей молодостью, красотой, обаянием. Она видела, какими глазами он на нее смотрел, а потому как-то сразу успокоилась. Предположила, что уж с ним-то она всегда сумеет договориться. Если не за деньги, так за пять минут близости с ним. И он, охваченный пламенем, возомнивший себя ее любовником, подведет ее прямо к семейному склепу Краушенбахов. Потом она от него избавится, как умеет избавляться только она – грубо, резко, оттолкнет его от себя так сильно, что он будет вспоминать ее как страшный сон. Найдет припасенные для подобных случаев гадкие и грязненькие слова, которые ранят его мужское самолюбие. Затем, воспользовавшись полученной от него информацией, заберет клад, да и уедет подальше от этого богом забытого городка...

Вот такой был простой план.

И он сработал. Сразу же. Ланг привел ее на кладбище, где находились руины старинных склепов, и ей важно было там повести себя таким образом, чтобы он не понял, насколько серьезно она относится к происходящему и как внимательно рассматривает поросшую бурьяном площадку в поисках надгробия или памятника (разрушенного, конечно) доктору, в имени которого, если судить по фотографии, которую ей показала тетка, имеются буквы «Ch... i... hs».

Важно было, разыгрывая сцену страшного разочарования этим участком немецкого кладбища, не выдать себя очень уж внимательными взглядами и ни в коем случае не проронить слово «доктор». Хотя именно это слово, облаченное в вопрос, мысленно адресованный Лангу «А вы не знаете имя и фамилию доктора-гинеколога, где встречались бы буквы...», вертелось на ее языке.

Возможно, она и переигрывала, прогуливаясь с недовольным видом рядом со склепами, однако своего добилась: Ланг назначил цену своей работе.

Что ж, ужин так ужин!

И вот в назначенный вечерний час она вошла в его убогий дом, провонявший гнилыми досками, прогретой старой крышей в птичьем помете, кошачьей мочой, плесенью, старыми тряпками, рыбой и прочими гадкими запахами и варевом из квартир. Запах старого дома, неистребимый ничем, даже ароматами запеченной курицы и свежего огуречного салата, составляющими ужин одинокого директора краеведческого музея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.